

Чеслав Горбачевский

<https://orcid.org/0000-0002-9145-7721>

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА И ПРЕДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ В РАССКАЗЕ ГЕОРГИЯ ДЕМИДОВА *ИНТЕЛЛЕКТУАЛ*

THE POINT OF NO RETURN AND THE LIMIT OF HUMAN STRENGTH IN GEORGY DEMIDOV'S STORY *THE INTELLECTUAL*

In the figurative system of Demidov's story, one of the key roles is played by armed guards, leading prisoners who barely move their legs to hard work. In the story one may find the names of famous historical and literary characters from different eras and people: Laue, Einstein, Balya and Cauchy, Hamlet and Horatio, Pushkin and Salieri. The drawn historical and spatial parallels do not look random. The authoritarian form of government and the monopoly of a few people to think for everyone, reminds the narrator of one-person dictatorships waging war with the intelligentsia.

Keywords: intellectual, Kolyma, mountain camp, artistic space and time

PUNKT BEZ POWROTU I GRANICA LUDZKICH MOŻLIWOŚCI W OPOWIADANIU GEORGIJA DEMIDOWA *INTELEKTUALISTA*

W systemie figuratywnym opowiadania Demidowa jedną z kluczowych ról odgrywają uzbrojeni strażnicy, zmuszający do ciężkiej pracy więźniów, którzy ledwo powłóczą nogami. W utworze pojawiają się nazwiska znanych postaci historycznych i literackich z różnych epok i narodów: Laue, Einstein, Balya i Cauchy, Hamlet i Horacy, Puszkini i Salieri. Ukazane analogie historyczne i przestrzenne nie są przypadkowe. Autorytarny rząd i przywilej kilku osób, myślących za wszystkich, przypominają narratorowi jednoosobowe dyktatury toczące wojnę z inteligencją. Słowa kluczowe: intelektualista, Kołyma, obóz górski, przestrzeń i czas artystyczny

Чеслав Горбачевский *Точка невозврата...*

Первые книги Георгия Георгиевича Демидова (1908–1987) в печати появились сравнительно недавно: в 2008 г. (цикл из девяти рассказов «Чудная планета»), в 2009 г. (три повести о 1937: *Фонэ квас*, *Оранжевый абажур* и *Два прокурора*), а в 2010 г. вышел в свет сборник из пяти рассказов и повестей писателя *Любовь за колючей проволокой*.

Документально-художественные произведения Демидов писал в 1960–1970-е гг., а до этого периода были учеба на физико-химическом факультете Харьковского университета, работа в лаборатории Ландау, арест в 1938 г., 14 лет колымской каторги, лагерь и ссылка в Инте и Ухте. В 1980 г. КГБ арестовало все рукописи Демидова, которые в 1988 г. (не без содействия секретаря ЦК А.Н. Яковлева) были возвращены дочери писателя — Валентине Демидовой. Демидова пишет об отце:

Обо всем, что с ним произошло после ареста в феврале 1938 года, я узнала уже от него. Судил его Военный трибунал, получил он восемь лет, статья 58–10, и в сентябре этого года был уже на Колыме. Делал все — добывал руду, мыл золото, стрелял моржей и т. д. В июле 1946 года получил добавочный срок — 10 лет. Итого — 18 лет. Почти документально его пребывание на Колыме описал Варлам Тихонович Шаламов в рассказах *Иван Федорович* и *Житие инженера Кипреева*. С ним отец провел в Центральной лагерной больнице почти два года. Он (отец — Ч.Г.) [...] «изобрел» заново электрическую лампочку, организовал и запустил электроламповое производство — в тех условиях вещь почти немислимая. И, когда в награду за все сделанное — вместо обещанного досрочного освобождения он получил коробку с «лендлизовским» американским костюмом, то швырнул ее в президиум торжественного собрания со словами «Я чужие обноски не ношу!». За что и получил те добавочные 10 лет. В своих воспоминаниях [...] В.Т. Шаламов писал, что одним из самых достойных людей, встреченных им на Колыме, был харьковский физик Г.Г. Демидов...¹

Сотни тысяч заключенных, привезенных с Большой земли на морских судах и под конвоем на Колыму, оказывались в новых, невиданных условиях содержания и эксплуатации на негостеприимной земле. Нельзя сказать, что во время коллективизации и раскулачивания жизнь на материке была легкой, но то, что увидели и испытали люди, лишенные элемен-

¹ Г. Демидов, *Чудная планета*, Возвращение, Москва 2008, с. 8.

тарных человеческих прав и условий существования вдали от дома, мало кто из не бывших здесь ранее, мог себе даже приблизительно представить. Памятные свидетельства о дикой первобытной жестокости колымского заключения оставили многие из бывших невольников в воспоминаниях, посвященных событиям второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века. Среди мемуаристов, узников Колымы, можно назвать, например, Ольгу Адамову-Слиозберг, Даниила Алина, Эйюба Багирова, Николая Билетова, Георгия Вагнера, Семена Виленского, Елену Владимирову, Нину Гаген-Торн, Павла Галицкого, Евгению Гинзбург, Елену Глинку, Генриха Горчакова, Петра Деманта, Сергея Де-Мартино, Юрия Домбровского, Георгия Жженова, Анатолия Жигулина, Ивана Исаева, Георгия Кусургашева, Бориса Лесняка, Михаила Миндлина, Василия Налимова, Галину Нурмину, Елену Олицкую, Владимира Плотникова, Михаила Ротфорта, Залмана Румера, Ибрагима Салахова, Елену Тагер, Айткеша Толганбаева, Владимира Филина, Варлама Шаламова, Франца Шиллера, Якова Эфрусси, Алексея Яроцкого и других².

Едва ли кто-то из сумевших вырваться из колымских «зубов дракона» смог обойти вниманием тему выживания в северных трудовых лагерях — настолько она была ошеломляющей, деморализующей и во всех смыслах убивающей. Собственное видение колымского первобытного мира с его северо-восточными реалиями представлено в рассказах и повестях Георгия Демидова. Автор акцентирует внимание на запредельной повседневности с ее неременной ритуализированной составляющей: изображением «доисторических» образов, нравов и пейзажных описаний.

² Больше материала на эту тему в монографии: Ч.А. Горбачевский, *Каторжная Колыма и поэтика памяти*, Библиотека А. Миллера, Челябинск 2020. Наиболее полная на сегодняшний день база воспоминаний политических заключенных XX века содержится на сайте Сахаровского центра (см. раздел *Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы*, <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/> (18.07.2022)). Значительный интерес для изучения в широком контексте творчества самого известного колымского зэка, Варлама Шаламова, представляет сайт <https://shalamov.ru> (20.07.2022).

Интеллектуал (Признак Коши) — один из девяти рассказов в колымском прозаическом цикле Георгия Демидова «Чудная планета», создававшемся на протяжении 60–70-х гг. XX века.

В этом рассказе, посвященном советской каторге второй половины 40-х гг., повествователь почти не останавливается на горных общих работах, однако косвенные и эпизодические упоминания о 14-часовой рабочей смене на сопке горы Оловянная³ недвусмысленно рисуют картину труда колымского заключенного.

Заглавный персонаж в двух параллельных мирах — вольном и запроволочном — именуется по-разному: до лагеря — это «молодой профессор математики», «рафинированный интеллигент» с широким кругозором, включающим в себя не только математические науки, но и философию с историей. Кроме того, в лучшие, вольные времена профессор входил в состав самодеятельного симфонического оркестра и занимался горным туризмом. Однако прошлая спортивная практика немногим помогла профессору на колымской каторге, куда его вместе с другими «врагами народа» привезли добывать стратегически важное для страны сырье — касситерит. На краю земли бывшего профессора тоже называли по-разному, в том числе «ученым» и «чокнутым», а работал он здесь не руководителем кафедры математического анализа, а одним из навальщиков-откатчиков бригады рудокопов, поскольку стране, строящей ударными темпами счастливое будущее, в настоящем эрудиция и знания профессора были вовсе ни к чему.

На руднике ученый пытался «напрягать волю, чтобы мобилизовать до возможного предела слабеющую энергию мышц во время работы. А вне ее — противостоять принижающему действию каторжного быта»⁴.

В полном соответствии с эпиграфом к рассказу («Если при переходе через критическую точку производная функция ме-

³ Г. Демидов, *Чудная планета...*, с. 102.

⁴ Там же.

няет знак на отрицательный, то функция в данной точке имеет максимум. Первый „признак Коши”⁵), бывший профессор достигал предельных точек во всех возможных и невозможных запроволочных смыслах.

Навыки, приобретенные интеллектуалом в прошлой жизни, не исчезли одномоментно, какое-то время заглавный персонаж еще сохранял волю и силы к сопротивлению. Для того чтобы не превратиться в почти животное, он, даже в невыносимых условиях горного лагеря, во время подъема на сопку находил в себе силы тренировать ум, придумывая и решая различные задачи. Но умственные усилия в лагере становятся слабым и ненадежным средством противостояния животному инстинкту, гнавшему предельно голодных каторжников к скорой и неминуемой гибели.

В образной системе рассказа ключевую и зловещую роль играют погонщики-вохровцы, конвоирующие на тяжелую работу едва передвигающих ноги людей. Встречаются в рассказе имена известных исторических и художественных персонажей разных эпох и народов: физики Макс фон Лауэ, Альберт Эйнштейн, Макс Планк, математики Шарль Франсуа Балли и Огюстен Луи Коши, упоминаются Гамлет и Горацио, Александр Пушкин и Антонио Сальери, китайский император Цинь Ши-Хуанди.

Проводимые повествователем пространственные и исторические параллели не выглядят случайными. Современная авторитарная система правления и «монополия немногих думать за всех»⁶ напоминают рассказчику Древний Египет и изобретательного в вопросе пыток китайского императора Цинь Ши-Хуанди, который для укрепления империи просто уничтожал философов «и, притом, такими способами, как утопление в нужниках [...]». Это чтобы отбить охоту к критическому мышлению даже у тех, кто отягощен избытком ума и знаний. Цинь Ши-Хуанди жил более двух тысяч лет тому на-

⁵ Там же, с. 101.

⁶ Там же, с. 111.

зад. Технические приемы старого богдыхана устарели. Но не его политические принципы⁷.

Не устарела и средневековая инквизиция вместе с войной «единоличных диктатур и деспотий с собственной интеллигенцией»⁸.

Художественное пространство рассказа представлено двумя его разновидностями: вольным (материковым)⁹, с которого «пригнали» интеллектуала, и островным. Островное, колымское, невольничье северо-восточное пространство, малопривлекательное для жизни неподготовленных к нему людей, маркировано в рассказе так: «Угрюмые горы где-то на самом краю света»¹⁰. При этом вольное пространство лагеря отстоит от материкового на расстоянии многих тысяч километров.

Сопка горы, на которой расположен каторжный рудник, характеризуется весьма выразительно: «проклятая Богом и людьми»; «крутая горка, которая укатает любую „сивку“»; «окаянная сопка».

Нельзя не назвать причин, превращавших преодоление расстояния до вершины сопки в настоящую пытку для подневольных горных работников: 1) лагерь, из которого идут заключенные, находится на расстоянии трех километров от сопки. Однако могло быть и наоборот, когда лагерь находился на горе, а работать приходилось внизу. Сути дела это особенно не меняло — пытка оставалась пыткой: «Лагерь стоял на горе, а работы велись внизу, и это доказывало, что нет предела человеческой жестокости»¹¹; 2) склоны сопки остаются оле-

⁷ Там же, с. 112.

⁸ Там же, с. 111–112.

⁹ И хотя о названии материкового города в рассказе не говорится, но на то, что речь идет о городе, а не каком-то другом населенном пункте, указывает упоминание университета, в котором до ареста работал ученый-математик.

¹⁰ Г. Демидов, *Чудная планета...*, с. 107.

¹¹ В. Шаламов, *Собрание сочинений*, т. 2, Художественная литература, Москва 1998, с. 179.

денельми продолжительное время весной и осенью, а зимой они завалены сугробами; 3) подъем каторжан сопровождается высокогорный ураганный ветер со снегом и морозом в 50–60 градусов; 4) изможденных ээка, поднимающихся на сопку не менее часа, ждет 14-часовая рабочая смена, в которую не входит время подъема на гору и спуска с нее; 5) на сон при тяжелой работе отводится 5–6 часов, а выходные дни не предполагаются вовсе. Ко всему этому нужно добавить суровые погодные условия не только на сопке, но и за ее пределами, скудное питание, никуда не годную одежду, сопутствующие болезни без надлежащего лечения и многочисленные прочие режимные лишения. Все это способствовало скорому перемещению заключенных из первобытного пространства горного лагеря в загробный мир. Кладбище для заключенных предумышленно располагалось недалеко от сопки. Впрочем, для многих ээка, оказавшихся на руднике, смерть вовсе не казалась страшнее колымской каторги, наоборот — она могла означать освобождение от всех нескончаемых страданий, символизировать гипотетическое освобождение, почти непредставимое в горно-лагерной реальности.

Пространство от подножия (где находился нижний лагерь) до вершины горы (где располагались верхний лагерь и рудник) делилось на участки, каждый из которых был невероятно трудным для преодоления истощенными людьми. Поэтому идущие заключенные¹² растягивались по нему почти на километр, а скорость подъема напрямую зависела от количества оставшихся сил. Тех, кто падал (в том числе от нехватки воздуха, сердечных приступов), проигрывая борьбу за выживание, вохровцы нещадно топтали сапогами и били прикладами.

Для того чтобы хоть как-то отвлечься от колымской, слишком «живой жизни», интеллигент пытается увидеть окружающую местность глазами математика. Разумеется, бывший

¹² От нескольких сотен до тысячи человек — в зависимости от количества месяцев, прошедших со времени последнего пополнения лагеря. Чем раньше была пригнана в лагерь рабсила, тем меньше оставалось живых и неискалеченных людей.

профессор не питал иллюзий по поводу того, что математика сама по себе в условиях каторжного лагеря способна дарить едва живому человеку «радость наслаждения истиной [...] в чистом виде»¹³, но все же математические навыки позволяли при помощи невероятного волевого усилия сохранить важную частицу еще не вполне забытого вольного мира, давали возможность размышлять о таких предельно далеких от колымской лагерной повседневности понятиях, как музыка, архитектура, разум, истина. Правда, думать на отвлеченно-философские темы в течение продолжительного времени профессору было невозможно — с непривычки утомлялся мозг, и приходилось переходить на темы менее абстрактные, но не менее запретные в лагере. Например, вычислять энергию, получаемую от хлебной пайки и затрачиваемую каждым зэка на преодоление расстояния до сопки. Результаты этих вычислений были удручающими: хлебная пайка едва покрывала потраченную на восхождение энергию, и ее вовсе не хватало на последующую изнуряющую рабочую смену.

В результате максимальная функция, равная пределу сил невольника, через два года непрекращающейся борьбы за выживание кардинально изменила свой знак на отрицательный, а последние попытки отвлеченных размышлений интеллектуала о полифонии музыки гор уже были не в состоянии избавить его от чрезмерной во всех смыслах силы тяжести здешней земли, нехватки воздуха и окончательной остановки сердца.

Прямая речь, а вместе с ней и прелюдия к несостоявшемуся диалогу появляются лишь в последнем абзаце, когда вохровец, пиная сапогом отошедшего в мир иной «рафинированного интеллигента», произнесет над ним дежурную ритуально-риторическую фразу: «А ну, поднимайся, хватит придуриваться!».

О том же лагере «Сопка», описанном в рассказе Демидова *Интеллектуал (Признак Коши)*, другой выживший зэка впоследствии вспоминал:

¹³ Г. Демидов, *Чудная планета...*, с. 108.

Не раз я [...] видел своими глазами — стоит работяга на отвале, ковыряется лопатой. Проходит мимо солдат с автоматом, и если не успеет несчастный отбросить в сторону лопату, вытянуться в струнку и спрятать руки за спину, солдат его сваливает с ног и топчет ногами с такой злобой, будто и впрямь тот хотел наброситься на него¹⁴.

Рис. 1. Остатки лагпункта «Сопка» ОЛПа Бутугычаг Тенькинского ЛО УСВИТЛа (с 1948 Берлага). 1940–1950-е гг. Фото 1995 г.¹⁵

Ниже приведены фрагменты воспоминаний колымских каторжан — литераторов и журналистов Елены Владимировой (1902–1962) и Валерия Ладейщикова (1914–2001), арестованных по доносу провокатора. Военный трибунал приговорил их в Магадане к расстрелу, позднее замененному каторгой¹⁶. Воспоминания Владимировой и Ладейщикова дополняют художественный рассказ *Интеллектуал (Признак Коши)* рядом важнейших фактических деталей, поскольку упомяну-

¹⁴ Г. Горчаков, *Л-1-105: воспоминания*, Иерусалимский издательский центр, Иерусалим 1995, с. 266.

¹⁵ *Виртуальный музей ГУЛАГа*, <http://gulagmuseum.org> (22.03.2022).

¹⁶ С.С. Виленский (сост.), *Поэзия узников ГУЛАГа: антология*, МФД: Материк, Москва 2005, с. 327.

тые описания посвящены порядкам, царившим в лагпунктах ОЛПа «Бутугычаг» (один из них «Сопка»).

Эти свидетельства индивидуальной памяти стали дополнительным наглядным примером того, как документальность и художественность, как бы достигнув последней, критической точки, образовали некий максимум, приблизивший читателя к художественной достоверности и исторической правде документа.

Работая в мужском рудничном лагере, я увидела предельные проявления их произвола (т. е. Берии и его ставленников — Ч.Г.), их издевательства, их прямых преступлений. [...] Хуже всего, как ни странно, кормили в виденных мною рабочих горных лагерях — хуже, чем в инвалидном лагере, где я сейчас нахожусь. Это порождало такое явление, как помоечников — истощенных людей, собирающих по помойкам отбросы кухонь, взаимное воровство и т. д.

Тяжесть условий дополняло и положение с обмундированием. В указанные годы (1947–1948 гг. — Ч.Г.) можно было видеть целые горняцкие бригады, чьи рубахи соснились до степени ленточек. Рабочих, зимою работающих в чунях. [...]

Целый полустаночар (ОЛП «Бутугычаг»), человек в 200, содержался в голом виде.

[...] Тяжесть условий приводила к массовому истощению людей — массовой дистрофии и сердечным декомпенсациям, дистрофическим поносам, цинге и т. д.

Смертность была очень велика. От первых мужских этапов А (буква равняется тысяче человек) остались считанные единицы. Количество неспособных к труду даже по строгому лагерному определению достигало половины состава. Массовыми были «сезонные» заболевания, которые при небольшом внимании (к тем же вопросам обмундирования) можно было устранить: обморожение (иногда до 30 случаев в день при составе около 800 человек на одном лагпункте) зимой и глазные заболевания, приводившие иногда к полной слепоте весной, от яркого света. [...] Было тоже очень большое количество увечий и смертей в результате отсутствия забот о технике безопасности и при притупленном чувстве самосохранения у истощенных людей: несчастных случаев в дробилке, на бромсбергах и т. д. [...].

Пробыв в Тенькинском горном управлении на разных лагпунктах с 1945 по август 1948 года, а всего на Колыме около девяти с половиной лет, я была активована как инвалид и прибыла с колымским инвалидным этапом в Спасский спецлаг¹⁷.

¹⁷ Е. Владимирова, *Письмо*, Магаданский областной краеведческий музей, Магадан 1992, с. 120.

Валерий Ладейщиков, в свою очередь, вспоминал в *Записках смертника*:

Издrevле говорили: дорога в преисподнюю идет вниз. Путь к Бутугычагу ведет вверх, все выше и выше [...] Прибывших с предприятия «Горняк» — он же лагпункт Сопка и Верхний Бутугычаг (верхний круг ада) — можно было узнать сразу: в первые три дня они почти беспробудно спали, поднимаясь лишь на еду. [...] Свою первую зиму Бутугычаг пережил тяжело. Из полутора тысяч каторжан (мой номер Б-507 означал вторую тысячу), присланных сюда, в живых остались едва ли половина. [...] Основное горное производство сосредоточилось на Верхнем Бутугычаге — на «Горняке». Там в штольнях и разрезах добывался касситерит — «оловянный камень» — руда олова. Разработка жил велась в открытых разрезах и штольнях. Бурение — взрыв — уборка породы и очистка забоя — и новый цикл. Мы, горные бригады, грузили породу в вагонетки и отправляли на обогатительные фабрики «Кармен» (женская) и «Шайтан». Там порода дробилась и промывалась. [...]

«Горняк» убивал своим климатом. [...]

«Горняк» убивал тяжелой, изнуряющей душу и тело работой, вагонеткой и лопатой, кайлом и кувалдой. Ночи не хватало, чтоб отдохнули кости и мышцы. [...]

«Горняк» убивал цингой и болезнями, разреженным воздухом. [...]

Наконец, «Горняк» убивал побоями — прикладом винтовки, палкой надзирателя, лопатой и кайлом бригадира¹⁸.

Так в конце рассказа *Интеллектуал (Признак Коши)* перед глазами бывшего ученого крупным планом возникает финальный визуальный образ — добротные вохровские яловые сапоги, поставившие точку в мучительной колымской эпопее профессора математики, а заодно показавшие всем интеллектуалам истинное их место и настоящую цену жизней «врагов народа» на Колыме.

Таким образом, трагедия каторжного человека, изображенная в представленном выше рассказе Демидова и в воспоминаниях его современников убедительно доказывает, что человек не может и не должен быть орудием и средством для реализации безумных идей, ставящих крест на человеческом в человеке. Едва ли эта аксиома нуждается в дополнительном доказательстве. К сожалению, в недавней истории страны —

¹⁸ В. Ладейщиков, *Записки смертника*, Возвращение, Москва 1996, с. 40–43.

и особенно в ее запроволочном пространстве, т. е. в тюрьмах и лагерях, — антигуманное отношение к человеческой жизни было обычным явлением. Более того, антигуманное отношение к каторжному человеку называлось гуманным и единственно правильным. К еще большему сожалению, приходится констатировать, что идея об оправдании цели средствами, внедрявшаяся в сознание миллионов людей в течение долгих лет, жива и в настоящее время.

REFERENCES

- Demidov, Georgiy G. *Chudnaya planeta*. Moskva: Vozvrashcheniye, 2008 [Демидов, Георгий Г. *Чудная планета*. Москва: Возвращение, 2008].
- Gorbachevskiy, Cheslav A. *Katorzhnaya Kolyma i poetika ramyati*. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2020 [Горбачевский, Чеслав А. *Каторжная Колыма и поэтика памяти*. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2020].
- Gorchakov, Genrikh N. *L–I–105: vospominaniya*. Iyerusalim: Iyerusalimskiy izdatel'skiy tsentr, 1995 [Горчаков, Генрих Н. *Л–I–105: воспоминания*. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1995].
<https://shalamov.ru>. Accessed 20 July 2022.
- Ladeyshchikov, Valeriy A. *Zapiski smertnika*. Moskva: Vozvrashcheniye, 1996 [Ладейщиков, Валерий А. *Записки смертника*. Москва: Возвращение, 1996].
- Poeziya uznikov GULAGa: antologiya*. Ed. Vilenskiy, Semyon S. Moskva: Materik, 2005 [Поэзия узников ГУЛАГа: антология. Сост. Виленский, Семен С. Москва: Материк, 2005].
- Shalamov, Varlam T. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1998 [Шаламов, Варлам Т. *Собрание сочинений: в 4 т.* Москва: Художественная литература, 1998].
- “Virtual’nyu muzey GULAGa.” <http://gulagmuseum.org>. Accessed 22 March 2022 [“Виртуальный музей ГУЛАГа.” <http://gulagmuseum.org>. Дата обращения: 22 марта 2022].
- Vladimirova, Yelena L. *Pis'mo*. Magadan: Magadanskiy oblastnoy kraevedcheskuyu muzey, 1992 [Владимирова, Елена Л. *Письмо*. Магадан: Магаданский областной краеведческий музей, 1992].
- “Vospominaniya o GULAGe i ikh avtory.” <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/>. Accessed 18 July 2022 [“Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы.” <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/>. Дата обращения: 18 июля 2022].